

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛА

Родной язык в школе

(К 70-летию со дня смерти К.Д. Ушинского. 1870—1940)

Проф. В.Я. Струминский¹

Native Language at School

(To the 70th Anniversary of K.D. Ushinsky's Death. 1870—1940)

Prof. V.Ya. Struminsky

В ряду многочисленных неоспоримых заслуг Ушинского перед русской педагогикой классически четкая проведенная им разработка вопросов методологии и методики преподавания родного языка в школе должна быть отмечена как одна из основных. Вопрос о родном языке как учебном предмете начальной и средней школы впервые принципиально глубоко поставлен и разработан в произведениях Ушинского. Равным образом и методика преподавания русского языка в начальной школе в качестве пропедевтики к дальнейшему его изучению в школе средней и высшей разработана им же с исключительной убедительностью, ясностью и полнотой. Эта заслуга будет в достаточной мере оценена, если принять во внимание постановку вопросов методологии и методики родного языка до Ушинского. <...>

Родной язык в системе учебных предметов школы

Общеобразовательное значение родного языка. Исключительное значе-

ние родного языка как общеобразовательного учебного предмета школы Ушинский выводил из того, что филогенетически (т.е. в развитии народа в целом) и онтогенетически (т.е. в развитии каждой личности отдельно) родной язык является первым и притом «величайшим наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории»². Первые и самые широкие основы духовной жизни закладывает в ребенке его родной язык. Усваивая в течение первых лет жизни слова и формы языка, ребенок вместе с ними впитывает в себя и результаты той духовной работы, которая произведена предшествующими поколениями, создававшими язык. Благодаря этому ребенок «вступает в жизнь с необъятными силами», каких не мог бы иметь, будучи оставлен без пособия этого «великого наставника рода человеческого»³, «великого народного педагога»⁴. Родное слово — это «первый истолкователь и природы, и жизни, и отношений к людям», это — «тонкая, обнимающая душу атмосфера, через кото-

¹ Публикация подготовлена по материалам журнала: «Русский язык в школе». — 1940. — № 3. — С. 56—71. Василий Яковлевич Струминский (1880—1967) — советский теоретик и историк педагогики, член-корреспондент АПН РСФСР (1945), профессор (1926).

² «Родное слово» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, СПб, 1875, с. 202—203).

³ Там же, с. 203.

⁴ Там же, с. 205.

рую она все видит, понимает и чувствует»⁵. И если неоспоримо, что впечатления окружающей среды — природной и общественной — оказывают громадное влияние на склад психики и мировоззрения ребенка, то так же несомненно, что все эти впечатления опосредуются словами и формами родного языка, отражающими тысячелетний опыт человечества, и воспринимаются сквозь призму, концентрирующую в себе эту тысячелетнюю умственную работу. «Дитя входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно через посредство отечественного языка, и наоборот, мир, окружающий дитя, отражается в нем своей духовной стороной только через посредство той же среды — отечественного языка»⁶.

Чтобы оценить по достоинству то неисчерпаемое наследство, которое получает ребенок в родном языке, стоит только представить себе длительную, в течение многих тысячелетий складывавшуюся историю его образования. «Народный язык, — писал Ушинский, — плод бесконечно долгих трудов человечества, начавшихся с незапамятных времен и продолжающихся до настоящего времени в наследственной передаче от племени к племени и от одного поколения к другому... Медленно, в продолжение многих тысячелетий, совершилось это сознательное творчество человечества, в котором оно вырабатывало себе послушное орудие для выражения своих чувств и мыслей»⁷. Понятно, на какую высокую ступень поднимает ребенка усвоение родного языка.

Овладев родным языком, ребенок свободно пользуется этим в течение тысячелетий оттачивавшимся орудием для выражения и формирования своих мыслей и чувств. Понятно, как велика должна быть образовательная сила языка. «Ребенок, развитие которого не было извращено насильственно, по большей части в пять или шесть лет говорит уже очень бойко и правильно на своем родном языке. Но подумайте, сколько нужно знаний, чувств, мыслей, логики и даже философии, чтобы

говорить так на каком-нибудь языке, как говорит неглупое дитя лет шести или семи на своем родном?»⁸ И хотя усвоение языка в первые годы жизни ребенка происходит преимущественно путем подражания, но одновременно с этой подражательной работой в ребенке под влиянием форм языка происходит и какая-то творческая работа, благодаря которой он не механически только владеет языком. Он бессознательно усваивает тонкое различие между словами и выражениями и в противоположность иному иностранцу, всю жизнь не могущему справиться с гением чужого языка, с изумительным искусством пользуется этими словами и выражениями, так недавно им усвоенными. Вместе с родным языком ребенок усваивает «бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка, — и усваивает легко и скоро в два-три года столько, что и половины того не может усвоить в 20 лет прилежного и методического учения»⁹.

По достоинству оценивая ту стимулирующую роль, какую имеет в развитии ребенка усвоение им родного языка, Ушинский не склонен был чрезмерно эту роль преувеличивать. Он отмечал, что, усваивая подражанием в дошкольный период своей жизни множество слов и оборотов языка и поднимаясь с их помощью на более высокие стадии умственной и духовной жизни, которые без опоры на ранее созданный язык были бы недостижимы для него, ребенок в силу этого не становится еще в уровень с тем богатым содержанием, которое заключено в языке. Здесь выступает на очередь помощь школы и учителя, которые должны раскрыть ребенку богатства подражательно им усвоенного языка. «У шестилетнего дитяти уже гораздо более слов и оборотов для выражения чувств и мыслей, чем самих чувств и мыслей. Оно... еще не выросло до этого языка, так что множество слов и оборотов... еще не сделалось вполне его духовным достоянием»¹⁰.

⁵ «Родное слово» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, СПб, 1875, стр. 206).

⁶ К.Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. I, СПб 1903 г., стр. 24—25.

⁷ Там же, ч. II, СПб 1905 г., с. 12.

⁸ «Родное слово» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, СПб, 1875, стр. 203).

⁹ К.Д. Ушинский, «Родное слово» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, СПб, 1875, стр. 204—205).

¹⁰ К.Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 2, СПб 1905 г., с. 13.

Отсюда следует, что основная задача школы заключается в том, чтобы непрерывно углублять понимание языка, которое уже имеется у ребенка, поднимая его на все более высокую ступень.

«Наставник обязан заботиться о том, чтобы дитя все более и более вступало в духовное обладание теми сокровищами родного слова, которые оно усвоило только подражанием, полусознательно, а иногда даже вовсе бессознательно, механически, почему и употребляет их часто некстати, не зная настоящего, точного значения употребляемых им слов и оборотов... Эта работа постепенного сознания полусознательно или совершенно бессознательно, через подражание только, усвоенного родного языка должна начинаться с самых первых дней ученья и по своей первостепенной важности для всего развития человека должна составлять одну из главнейших забот воспитания»¹¹. Начинаясь в начальной и продолжаясь в средней школе, работа эта заканчивается в высшей школе изучением филологии. Фактически, однако, «филология начинается с той минуты, когда ребенок сознает связь подлежащего со сказуемым или согласования прилагательного с существительным. Таким образом, грамматика является началом филологии и в то же время началом самонаблюдений человека над своей душевной жизнью... Грамматика, преподаваемая логически, начинает развивать самосознание человека, т.е. именно ту способность, вследствие которой человек является человеком между животными. Вот почему грамматику не без основания причислили к числу наук, очеловечивающих человека»¹². Понятно, что изучение родного языка в системе общего образования должно иметь исключительную важность. <...>

Исключительно большое значение родного языка в системе общего образования не следует понимать, однако, в том смысле, что работа школы замкнется в пределах одного только родного языка. Изучение родного языка в школе немыслимо вне тесного контакта с изучением других учебных дисциплин. Материал последних лет дает научно обработанное и проверенное

содержание развивающегося языка ребенка, а язык, развиваясь, в свою очередь, обеспечивает этому материалу надлежащую форму выражения. Таким образом получается двусторонняя обусловленность: правильное усвоение знаний по другим дисциплинам зависит от того, в какой мере ребенок владеет родным словом; с другой стороны, развитие родного слова зависит от того, в какой мере осуществляется связь этого развития с материалом других дисциплин. То и другое не всегда ясно осознавалось.

Разъясняя первое положение, Ушинский писал: «Изучение каждого предмета передается ребенку, усваивается им и выражается всегда в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка располагаться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета»¹³. Ребенок, не свободно понимающий чужую речь, не умеющий правильно строить свою, неизбежно будет не успевать по всем предметам. <...> «Не ясно ли теперь, что преподавание отечественного языка в первоначальном обучении составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты, и что я имел право взглянуть на наставника отечественного языка как на руководителя всего первоначального обучения»¹⁴.

Только что показанная зависимость изучения других дисциплин от знания родного языка вовсе не значит, что родной язык покрывает и обезличивает собой все предметы школьного обучения. Напротив, нормальное развитие родного языка учащихся возможно только при условии, если он изучается не как самодовлеющая учебная дисциплина, а в постоянной опоре на материал других дисциплин. «Язык, — писал К.Д. Ушинский, — не есть что-либо отрешенное от мысли, а напротив — органическое ее создание, в ней коренящееся и беспрестанно из нее вырастающее; так что тот, кто хочет развить способность языка в ученике, должен развивать в нем

¹¹ Там же, с. 13—14.

¹² К.Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 2, СПб 1905 г., с. 16.

¹³ К.Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 1, СПб 1903 г., с. 24.

¹⁴ Там же, с. 25.

прежде всего мыслящую способность... Формальное изучение языка противоречит и самой природе дитяти. Дитя, если оно еще не испорчено ложным воспитанием, не склонно к фразам: его прежде всего увлекает самая мысль, содержание, явление, факт, а не форма выражения мысли... Как умственная, так и словесная гимнастика должны упражнять умственные и словесные силы ученика над каким-нибудь реальным, положительным знанием; главной целью этих упражнений должно быть полное усвоение и ясное выражение самого знания, причем побочным образом будут упражняться и умственные силы, и способности слова»¹⁵. Однако детальное установление взаимоотношений родного языка с другими предметами может быть показано только в конкретной разработке учебного плана школы. <...>

Родной язык как предмет преподавания

Если на преподавателя родного языка в начальной школе самой логикой начального обучения возлагаются задачи гораздо более широкие, чем изучение собственно языка, — задачи рационального подведения ребенка к изучению ряда специальных предметов начальной и средней школы, то родной язык и свои специальные задачи, которые на общей основе материала различных дисциплин должны быть организованы достигаемы уже с первого года. Основные цели, которые преследуются при первоначальном обучении детей родному языку, Ушинский формулировал так: первая цель — развитие в детях дара слова, вторая цель — сознательное овладение сокровищами родного языка, третья цель — освоение логики языка, т.е. грамматических его законов в их логической системе. Все три цели в начальной школе достигаются совместно, но на дальнейших стадиях школьного обучения выделяются такие специальные предметы, как грамматика и история языка, история литературы и теория словесности, риторика и логика (в прежних школах) и т.п. Нельзя отрицать, что правильная формулировка задач изучения родного языка как предмета преподавания в значительной степени обеспечивает нормальную учебную работу. Однако

в исторической практике школы случаи такой правильной формулировки чрезвычайно редки. <...>

Ушинский дал рациональное обоснование не только той последовательности, в какой должно идти усвоение отдельных элементов родной речи, но и тех методических приемов, которыми следует руководствоваться в этой работе. На первый план в качестве основы развития всех видов человеческой речи Ушинский выдвинул устную речь (дар слова). «В наших школах, — писал он, — почти всегда забывают, что на обязанности наставника отечественного языка лежит не только письменная, но и изустная речь учеников и что, кроме того, хорошая письменная речь, главным образом, основывается на хорошей изустной или, по крайней мере, мысленной речи...»¹⁶ Устная речь должна быть, таким образом, положена в основу развития как письменной речи, так и чтения. Что касается грамматики, являющейся своего рода логикой языка, то таковая может явиться только в результате предварительного анализа речи в ее различных формах.

Устная речь. Для дореволюционной русской школы проблема развития устной речи в школе была одной из наиболее трудных. Не разрешена она полностью и в наше время. Ушинский с замечательной проницательностью констатировал этот существенный недостаток в современной ему школе. «В наших школах, — писал он, — чрезвычайно мало обращают внимания на упражнения детей в изустной речи. Дети или молчат в школе, или отвечают на выученный наизусть урок, или дают отрывочные, бессвязные ответы на вопросы учителя»¹⁷. Это пренебрежение к устной речи в особенности поражаало Ушинского, когда ему приходилось сравнивать наши русские школы с иностранными. «Многое поражаало меня в германских и швейцарских школах, — писал Ушинский, — но ничто не поразило меня столько, как умение 8- и 9-летних детей в Швейцарии и Германии изустно и письменно выражать свои мысли. И сравнения никакого нет с тем, что

¹⁶ К.Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 2, СПб 1905 г., с. 18.

¹⁷ «О первоначальном преподавании русского языка» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб 1913 г., с. 149).

¹⁵ «Предисловие к «Детскому миру» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб 1913 г., с. 73—75).

представляют нам наши дети того же возраста или даже двумя, тремя годами старше. Мы довольны уже тем, если в наших школах дети 12 лет пишут хоть не совсем связно, но без больших орфографических ошибок и так, что можно добраться до смысла того, что хотел сказать писавший; мы довольны уже, если 11-летнее дитя, заикаясь, растягивая, путаясь беспрестанно, сумеет рассказать нам урок своими словами, не зазубривши. Требования швейцарских и германских школ гораздо выше: от 10-летнего мальчика требуют, чтобы он выражался отчетливо, громко, плавно, быстро и даже красиво, и во всякой хорошей школе ученики удовлетворяют этим требованиям... В германских и швейцарских школах упражнения в изустной речи начинаются со вступления ребенка в школу и оканчиваются только с его выходом; в этих школах обращают еще более внимания на изустную речь, чем письменную»¹⁸. Результатом невнимания школы к устной речи ребенка является то, что и взрослые говорят часто плохо. <...>

На вопрос о том, как же поставить развитие в школе устной речи ребенка, Ушинский отвечал прежде всего критикой схоластических попыток механически развить навыки речи у ребенка, путем ли пересказывания, повторения, списывания, или путем упражнений в писании сочинений на темы о предметах ребенком мало осознанных, подчас совсем не виденных и не прочувствованных, и притом без соответствующей предварительной подготовки. «Пересказывание прочитанного своими словами, — писал, например, Ушинский, — весьма плохое упражнение дара слова. Здесь ребенок... достигает только того, что пропусками, недомолвками, нелогическим переставливанием мысли искажает и мысль и речь писателя»¹⁹. Коренной недостаток наиболее распространенных приемов развития устной речи ребенка заключается в том, что формальную способность речи начинают упражнять раньше, чем сформировалась мысль ребенка, подлежащая

выражению. «Основная идея при изучении отечественного языка состоит в том, что дитя может выразить ясно и самостоятельно только ту мысль, которую усвоит также ясно и самостоятельно. Поэтому главное дело наставника состоит в том, чтобы прежде усвоить ребенку ту или другую мысль, а потом уже заботиться об ее правильном изустном или письменном выражении... Изустная речь основана на мышлении; следовательно, наставник русского языка обязан дать детям упражнения, возбуждающие мысль и вызывающие выражения этой мысли в слове»²⁰.

Лучшим средством для первоначального возбуждения мысли, а следовательно, и речи ребенка является показ ему того или иного предмета или его изображения. <...> «Большая разница, заставим ли мы говорить и писать дитя о предмете, если не совсем ему незнакомом, то сохранившемся в душе его в туманных очерках, или о предмете, который, если и не стоит перед его глазами, то, по крайней мере, яркими чертами врезался в его память. Такой предмет сам задает вопросы ребенку, поправляет его ответы, приводит их в систему, и ребенок мыслит, говорит и пишет самостоятельно, а не ловит фразы из уст учителя или со страницы книги»²¹. Понятно, какое решающее значение в развитии устной речи ребенка придавал Ушинский наглядному обучению. Именно с целью организовать такое обучение он и издал в помощь учителю родного языка пособие для наглядных бесед с детьми под заглавием «Детский мир». <...>

Однако наглядность как основной стимул, активизирующий мысль и речь ребенка, не может быть сводима, как это часто делалось, к простому показу предмета или его изображения. Это было упрощением идеи наглядности. Не в самом показе предмета дело, а в том, что он стимулирует мысль ребенка и заставляет видеть в предмете гораздо больше, чем открывается непосредственному чувственному наблюдению. Считая предметы естественных

¹⁸ «Отчет о командировке за границу» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб 1913 г., с. 246).

¹⁹ «О первоначальном преподавании русского языка» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб 1913 г., с. 143).

²⁰ «Отчет о командировке за границу» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб 1913 г., с. 248).

²¹ «О первоначальном преподавании русского языка» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб 1913 г., с. 144).

наук наиболее подходящими для наглядных бесед, Ушинский полагал, что эти предметы являются вместе с тем и лучшим упражнением для логического мышления. «Эти предметы наглядны и находятся между собой в связи; да и сама логика есть не что иное, как отражение в нашем уме связи предметов и проявлений природы. Что такое идеи особи, вида, рода, признака, качества, предмета, явления, отношения, условия, причины, следствия, обстоятельства, — что такое все эти логические категории, как не результаты наблюдений человека над явлениями внешней природы и явлениями его собственной души? ...Логика природы есть самая доступная для детей, логика наглядная и неопровержимая. Всякий новый предмет дает возможность упражнять рассудок сравнениями, вводит новые понятия в область уже приобретенных, подводить изученные виды под один род. Всякое физическое явление есть также превосходнейшее упражнение для детской логики. Здесь ребенок наглядно и практически усваивает логические понятия: причины, следствия, цели, назначения, выводы, умозаключения и т.д.»²². Только поднимая наглядное обучение до степени логического мышления, можно создать надлежащую основу для развития речи, сначала устной, а затем и письменной. «Дар слова, — пишет Ушинский, — главным образом опирается на логическую способность души человеческой. На способность ее отвлекаться от конкретных представлений и возводить эти конкретные представления в общие понятия. Находить между ними сходные и различающиеся признаки, сливать их в одно общее суждение и т.д. Это общечеловеческая логика составляет основание языка и выражается в его грамматических законах... Наставник родного языка беспрестанно имеет дело с логикой, и недостаток ее прежде всего отражается в спутанности или односторонности понятий, а следовательно, в темноте и неправильности письменной и изустной речи; так что развить в детях дар слова — значит почти то же самое, что развить в них логичность мышления»²³.

²² К.Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 2, СПб 1905 г., с. 20.

²³ «О первоначальном преподавании русского языка» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб

Письменная речь. Если устная речь... имеет своей предпосылкой наличие определенных мыслей у ребенка, обогащение его наблюдениями, развитие его логики, то предпосылкой для развития письменной речи является нормальное развитие устной речи. Для того чтобы что-либо правильно написать, нужно иметь и уметь это сказать. Поэтому «письменные упражнения дара слова должны уже следовать после изустных в постепенности, сообразной с возрастом детей, их развитием, их навыком в механизме письма и их умением письменно излагать свои мысли»²⁴. <...> К письменным упражнениям Ушинский подходил исключительно осторожно, имея в виду, что всякое непосильное упражнение может родить ошибку, укоренившаяся же ошибка искореняется с большим трудом. В течение первого года учащиеся по «Родному слову» пишут только отдельные слова в ответ на вопросы и нераспространенные предложения. Далее следует пересказ по вопросам какой-либо статьи, а затем и самостоятельные сочинения, сначала по вопросам, а потом и без вопросов, в виде сравнений, описаний, рассказов, писем и т.д. <...>

Грамматика. <...> «Так как грамматика, — писал Ушинский, — есть результат наблюдений человека над собственным языком, а не язык — результат грамматики, то самый рациональный прием изучения грамматики будет такой, при котором стараются обратить внимание дитяти на то, как он говорит, и только руководят его наблюдениями над теми грамматическими законами, которым он бессознательно подчиняется в своей речи, усвоенной подражанием, но созданной самосознанием. <...> На обязанности наставника, а также и учебника, руководящего самосознанием дитяти, лежит подбирать такие явления слова, чтобы дитя постепенно переходило от явлений простых к явлениям сложным и употребляло выводы, сделанные им из прежних наблюдений, для уяснения новых и более сложных явлений...»²⁵

Едва ли не самым ценным в грамматике Ушинского нужно признать то 1913 г., с. 148).

²⁴ Там же, с. 150.

²⁵ К.Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. 2, СПб 1905 г., с. 25, 26, 28.

обстоятельство, что он смело связал изучение грамматики с логикой человеческой мысли, не отождествляя их, разумеется, но твердо настаивая на их единстве. Это придало изучению грамматики внутренний смысл и сделало ее живым предметом школьного преподавания. «Логика, — писал Ушинский, — необходимо должна составлять подкладку всякой грамматики и всякой разумной речи человека... Логическое суждение есть основа логической речи, и эту-то логическую речь и должен развивать наставник отечественного языка»²⁶.

Заключительные замечания. <...> В качестве наиболее оригинальных и стержневых принципиальных идей Ушинского о родном языке в школе необходимо отметить следующие:

1. В родном языке ребенок подвергается непосредственному воздействию тысячелетиями выработанного орудия духовной жизни народа. <...> Вопрос поставлен им исключительно серьезно и принципиально и сохраняет свое значение не только в отношении к начальному, но также и к среднему и высшему образованию.

2. Родной язык является первым и самым серьезным возбудителем абстрактной мысли ребенка. <...> Последующее развитие... мышления в процессе изучения отдельных дисциплин может быть правильно построено только на почве освоения первичных логических элементов речи.

²⁶ Там же, с. 23.

3. Родной язык — генетически первый предмет начального обучения. Как показано выше, эта идея Ушинского вносила органическую стройность в построение учебного плана начальной школы и раскрывала известные перспективы для развертывания этого плана в дальнейших ступенях образования. Постепенно дифференцируя в сознании учащихся в течение первых лет обучения отдельные стороны действительности, педагог, таким образом, обеспечивает правильный подход к изучению отдельных учебных предметов и в то же время сохраняет идею их единства и взаимной связи. Не теряя идеи этого единства для старших классов школы, Ушинский писал, что, хотя «в постройке мирозерцания в голове учащихся принимают участие преподаватели всех предметов, но именно на преподавателе русского языка и словесности лежит обязанность обзора всех приобретенных детьми знаний и приведение их в стройную логическую систему, потому что родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания»²⁷.

²⁷ «О первоначальном преподавании русского языка» (Собрание педагогических сочинений К.Д. Ушинского, т. II, дополнительный, СПб 1913 г., с. 162).